

Миша Кума

Лягушачья
песнь

Миша Кума

Лягушачья песнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72663925

ISBN 9785006829091

Аннотация

Марина – восемнадцатилетняя, хрупкая девушка откликнулась на беду, которая случилась в королевстве Светлячков – сердце королевы украдено! И теперь ей придется сразиться с великаншей Кридой, чудом выбраться из мёртвой деревни, разгадать загадки чудища из жёлтой башни и научиться быть беспощадной со злом. Помогать ей будет повар Вермишелька и ведьмочка Ку, а противостоит им могущественный, бессмертный Принц-колдун. Силы добра и зла не равны, но добру не привыкать.

Содержание

Глава первая. Это случилось	5
Глава вторая. Марина	9
Глава третья. Стук в дверь	15
Глава четвертая. На Дымчатом озере вскрикнула птица	20
Глава пятая. Падения	26
Глава шестая. Насторожившись, начеку	30
Глава седьмая. яамьдес авалГ	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Лягушачья песнь

Миша Кума

© Миша Кума, 2025

ISBN 978-5-0068-2909-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лягушачья песнь

Посвящается Великой Гусенице, Малютке Барабашке, прошлой Райке, нынешней Римме, Палюсе и каждому кто принес в этот мир свет и светит. Спасибо Вам!

Глава первая. Это случилось

Ставни предупреждающе дребезжали, вдалеке ухало.

Пахло сыростью и рассыпанным какао. Седая голова покачивалась над прялкой, девичья рука почти коснулась воды, а лягушки привычно квакали, не обращая на спящих внимание. Сон в руку.

– Если будешь всматриваться из-за всех сил – увидишь. Царство светлячков – увидишь. Там никогда не бывает ни зимы, ни осени, ни лета, ни весны – увидишь. Там время идёт так, как ему вздумается – увидишь. Там ведьмочка Ку кудесит над пламенем и...

Министр Филин оглянулся и увидел себя в отражении глаз королевы светлячков Тейи VII: крестница лежала на простынях, ткань которых была соткана сотнями паучков-кругопрядов, в ночь на растущую луну. Это придавало простыням большую нежность, ведь холеная кожа королевы не должна быть оцарапана.

Это случилось. Серебряные глаза смотрели холодно и обвиняюще. На губах застыла властная усмешка. Филин перевёл взгляд на столик около окна, на брошенную книгу в переплете из марокканской кожи, украшенную более чем тысячей рубинами, топазами и аметистами. Утром, подтрунивая, он преподнёс её королеве в качестве усыпляющего средства. По хрупкой ножке столика, цепляясь друг за друга, ползли

алмазные лягушата. Штора шелохнулась от ветра и вдалеке показалась фигура постового светлячка.

«Защищающего покой». Не закрыв дверей спальни, министр зашагал по длинным, извилистым коридорам дворца, мимо бесполезной, беспечной охраны, сбежал по ступенькам бесконечной лестницы в царский сад, выхватив ухом, чванливую болтовню цветов, и взмахнул крыльями.

– Это случилось. – Так крикнула принцесса светлячков, крестница Тейя, сотни лун назад, вбежав в библиотеку, где хранились совсем другие книги. Филин оторвался от изучения древних заклинаний и притворно строго взглянул на крестницу. В её облике была тревога и он скинул с себя притворство.

Принцесса прикрыла окно, чтобы уберечь случайные уши, а сама не смогла удержаться: в саду Георгины бубенили байку гусеницам, о том, что когда-то цветы умели ходить.

Принцесса рассмеялась, серебряные глаза заблестели, хотя может быть дело было в стоящей неподалеку свече. Принцесса казалась прежней беззаботной малюткой, правда лишь на мгновение, пока блуждающая мысль не вернулась в библиотеку, где часто находил приют крёстный, советник и друг отца – Филин.

– Моё сердце в опасности. – Тейя прикоснулась к сердцу и комната озарилась светом. – Мне приснился сон, – не дожидаясь вопроса от крестного, продолжила принцесса. – Моё сердце в опасности. Мне приснился сон: там была

Марина. Марина держала моё сердце в руках. Марина сказала: возвращаю, но будь осторожна. Твоё сердце в опасности.

Филин прожил так долго и трудно, что всему придавал значение, поэтому и здесь он не отмахнулся от выдумок девочки, которую только недавно перестал носить на руках. Филин задумался: за стенами дворца светили пусть и naive, но преданные постовые светлячки, их свет придавал миру мягкие и безопасные очертания, и даже если бы светлячков не было, кому хочется украсть сердце своей принцессы и будущей королевы? И кто это – Марина? Филин поморщился.

– И кто она – эта Марина?

– Я помню её руки: они грубые, оцарапали меня, да так, что я проснулась. – Принцесса снова коснулась сердца будто его до сих пор кололо. – Что ж, когда она придёт в будущий раз, я спрошу откуда она.

Марина никогда больше не приходила.

Сны хранятся гораздо дольше, чем некоторые будни, и всё-таки и они теряются в тумане памяти. И когда через длинные годы Филин, лукаво улыбнувшись, спросил у крестницы про девушку с колючими руками, имя которой крутилось в голове, имя которое он никак не мог схватить за хвост, королева изогнула бровь, даже не пытаясь вдуматься о чём он старчески бормочет. Ведь в её царстве столько дел, столько дел и она уже не ребенок, больше не ребенок и ей нужно доказать это всем, всем, всем, всем, всем...

– Дети не управляют чувствами, взрослые же держат их под контролем. – Ответила она себе, потому что никто не задавал ей о нём вопросов, как и никто не напоминал ей, что она ещё не повзрослела.

И вот теперь королева светлячков, крестница Тейя, лежала в своём огромном хрустальном дворце и в груди у неё была пустота размером с сердце. За окном всё так же светили постовые светлячки, в саду всё так же шептались цветы, так же, как сотни лун назад, и может именно поэтому Филин произнёс имя

Глава вторая. Марина

Дом ветхий, сырой, старый, бедный дом раскачивался на ветру. За прялкой сидела седая, рассыпающаяся женщина в выцветшем платье с прозрачными и такими же выцветшими глазами. В прялке не было пряжи, но старуха крутила колесо. Близ неё спала в неудобной, скрюченной позе, юная девушка – Марина.

– Марина. Марина. Марина. – От кваканья лягушек девушка вздрогнула.

Грёзы отступили и Марина наклонилась к лягушкам и погладила каждую по пузу.

– Ну что вы расшалились? Разбудите бабулю.

Марина называла, спящую за прялкой, женщину, бабулей, просто потому что девушке хотелось, чтобы у неё была родственница. Поэтому даже на работе, иногда, ни с того ни с сего, Марина заговаривала про свою бабушку. На самом же деле, это была малознакомая старуха, у которой Марина снимала угол. Да и лягушки и те были не Маринины.

– Ква, ква, ква, ква, ква, ква, ква, ква, ква, ква, ква, ква, ква, ква, ква, ква, ква, ква. – Квакали лягушки, напоминая Марине, что сегодня ей исполнилось восемнадцать.

Марина и так это помнила, так же ясно, как и день, когда она ступая, по неровной тропе, вышла из леса к качающемуся на ветру дому. Именно поэтому Марина считала, что этот

дом первый, хотя односельчане по старинке продолжали называть его крайним.

В этом доме всегда было сыро, впрочем это нравилось лягушкам, повсюду стояли ковши, кувшины, тазы, ведра, горшки, корытца, графины и другие ёмкости, наполненные серовато-зеленоватой жидкостью. Под потолком, пересекая комнату, была натянута верёвка, на которой сушились травы, – из того, что Марина могла определить глазом, – крапива, сныть, зверобой, папоротник, лаванда, полынь. И книги, книги, книги на полках, на полу, на подоконнике вперемешку со склянками с таинственным содержимым.

Четырнадцать лет – возраст, когда родители решили, что Марина может заботиться о себе сама, потому что другие дети не прекращали появляться на свет. На прощание Марина получила два совета:

– Посмотри на свои руки. Какие они грубые. А эти рисунки на ладонях – следы зла. Прячь их.

Ох! Сколько не мазала девушка руки жирной сметаной, не помогало. Сметана впитывалась, а кожа оставалась по прежнему сухой и колючей, измаранной странными рисунками.

Выбирать не приходилось, и Марина устроилась на работу в магазинчик, в самом сердце деревни, Марину привлекло, что при нём стояла милая лавочка, где иногда сидели влюбленные и кормили птиц булкой, которую они покупали тут же. За это влюбленных и птиц ненавидел хозяин магази-

на – Аркадий, он, в конце концов, и убрал «место лени и раз-
вращения». С чем были согласны и пожилые односельчане,
выборочно помнящие свою молодость. И влюбленные стали
сидеть в другом месте.

– Так не хочется никого обижать. – Ответила Марина ма-
тери перед тем как уйти.

– Иногда надо. – Это был второй совет.

Этот совет может бы и стоило применить, потому что
односельчане не ценили ни покладистости, ни рассеянной
нежности. Мечтательность девушки, люди принимали за тупость,
а доброту – за слабость.

Деревенские жили в горьких заботах и лишь следили, что-
бы их не обсчитали. А грузный хозяин магазина на старания
Марины чуть мигал бровями, а за провинность, «отщипы-
вал», так он это называл, от жалования.

Вот так-то оно так. Продаст рубль за пятак. Говорят про
таких, как Аркадий.

Чтобы попасть в магазин надо было спуститься в под-
вал, пригнувшись, иначе пострадала бы голова, по скрипу-
чей и шаткой лестнице. И погрузиться в сумрак – так ка-
залось по началу, потом глаза привыкали. Это было тесное
пространство, с плотно расположенными друг к другу полка-
ми, на которых вразброс стояли товары с неизвестным сро-
ком годности. Одна грустно висящая лампочка под потол-
ком не способна была осветить все углы, и поэтому некото-
рые товары стояли здесь годами, а другие, попавшие под ру-

ку, без надобности покупались, вдруг всё-таки пригодится, а в магазин заходить часто не хотелось. Как не хотелось и подолгу здесь что-то рассматривать и высматривать.

Марина по началу пыталась изменить положение вещей, но столкнулась с сопротивлением Аркадия, он боялся, что надо вкладываться: освещение – это деньги, удобные полки и прилавки – это деньги. Зачем что-то улучшать, если жителям некуда деваться и они и так покупают. Тогда Марина стала бороться с местной пылью и грязью и с этим также ничего не вышло. Двигать ящики одной было тяжело, а просить Аркадия значило бы нарваться на отповедь в духе «и зачем я только плачу девчонке, если и сам всё делаю». Итог кутерьмы невелик: Марина наткнулась на паутину и паучиху с паучатами, и чтобы не привлечь внимание к матушке, так она называла многодетную косиножку, она прекратила какую-либо деятельность.

Так четыре года она и провела в тусклом и затхлом пространстве, под грохотание над головой, на первом этаже тоже шла какая-то таинственная работа, выходя из подвала лишь вечером, когда на улице было уже темно.

И шли эти годы тихонечко, да так незаметно и пролетели.

Полгода назад Аркадий разрешил девушке брать подгнившие фрукты за полцены, неделю назад он позвал «подопечную» на разговор.

– Ты бедно живешь.

У Марины хрустнуло в пальцах, она сжала их от напряже-

ния.

Хозяин магазина взял её ладони и осмотрел.

– Следить за руками стоит. Ты же девушка. – Тут Аркадий замялся и перевалился с одной ноги на другую. – И очень даже хм славная. Скромная. На себя не тратитесь почти. Сейчас таких не сыщешь. На что вот... ты... тратитесь?

– Да ни на что в целом. – Марина постеснялась сказать, что сохраняет заработную плату на красное, бархатное, кружевное платье.

– Копите на что-то?

Марина кивнула. Одно воспоминание мешало ей быть откровенной с человеком, которого она встречала ежедневно вот уже четыре года.

– Это хорошо. – Аркадий почувствовал удовлетворение. – Копить – это правильно. – Ему хотелось дать Марине какое-нибудь наставление, которое повлияет на дальнейшую жизнь.

Он опомнился и предложил Марине сожительство. Он сказал, что она может подумать, хотя, что тут думать, любой девушке нужен покровитель. И Аркадий улыбнувшись, Марине стало страшно, бросил, «конфеток, и для бабушки, к чайку», в сумку.

– Он такой толстый. И это полбеды. Беда в том, что он пнул собаку, когда она повернулась к нему худой, плешивой спиной. И собака жалобно заскулила, а он усмехнулся.

Марина знала: она может тянуть долго, она умела молчать

и глядеть в сторону. Но что будет, когда Аркадий позовёт на открытый разговор.

– Со мной никогда не происходит ничего чудесного.

– С ней никогда не происходит ничего чудесного. – Закали лягушки, перебивая друг друга.

Глава третья. Стук в дверь

Подобно тому как звёзды ждут ночи, горячий суп – повара-решки, кошка – мышки, грабитель – заплутавшего путника, так и у каждого есть своя минута.

– Вот сейчас то всё начнётся. Вот сейчас то всё начнётся. Мудрый Филин, Храбрый Филин в дверь к Марине постучится.

Кваканье нарастало. Остатки сметаны, которой Марина смазывала руки, жирным пятном упали на пол. Бабуля, спавшая над пряжей, прошептала: копай под тем деревом. Лягушки замолчали. Марина затрепетала, и подавшись чувству тревоги, встала, подошла к двери и открыла её. За дверью никого не было. Она вздохнула, это был вздох разочарования, и облегчения, и привычки. Но когда Марина вернулась в комнату, Филин был уже там: разглядывал обстановку.

– Ты Марина? – Филин не ждал ответа, а подошёл к полкам с книгами. Разваливавшиеся на отдельные страницы, истрёпанные, пахнущие сальными пальцами и терпкими травами, они интересовали министра больше, чем девушка, боявшаяся смотреть в сторону незнакомца. Он щелкнул пальцем по корешкам: среди сказок прятались гримуары и рецепты зелий. Филин выдернул одну, за ней дернулась было и другая, обложки слиплись между собой, Филин разъединил их.

– Так вот как выглядит сильнейшая из ведьм. – Тон мини-

стра, оставшись таким же величественным, как и следовало личности весомой и важной, стал чуть мягче. Он как бы интересовался: что вы такое? Возможно мне и есть смысл перекинуться с вами двумя-тремя словами.

Из бадьи раздалось кваканье.

– Вы меня с кем-то путаете. Я не ведьма. И книги это не мои, а хозяйки дома.

Филин посмотрел туда, куда кивнула Марина, на женщину, чьи иссушенные руки действительно могли уколоть.

– Ясно. – Филин вернул книгу на место и она вновь прильнула к соседке. – Значит я опоздал. Или в предсказании было что-то не так. Или время не знает жалости даже к сильнейшим. Мне нужна была Марина.

– Я и есть Марина. – Улыбнулась Марина.

– Да. Смешное совпадение. – Министру не было смешно. Он снова посмотрел на девушку и она снова отвела глаза. – Ты слишком хорошая. А как мне известно хороший равно слабый. – Министр выудил яблоко из кадки и протёр его чёрным, расшитым золотом, платочком. – Мне нужен человек сильный, ловкий, цепкий, смекалистый... Эээ... в общем ты не подходишь. – Резюмировал он и сделал аккуратный надкус.

– Я и не претендую. Я лишь заметила, что я и есть Марина. – В этот момент, Марина думала только о том, чтобы этот высокомерный господин не увидел её почерневших, исписанных неизвестными, даже ей самой, знаками, рук. –

А так я не претендую.

– Заладила же. – Филин больше раздражился от усталости от этого бессмысленного в своей жестокости дня, чем на печальную, чудаковатую девочку. – Я не претендую. Я не претендую. Ты на что-нибудь претендуешь?

Из бадьи заквакали лягушки. Министр щелчком пальцев прекратил их намерения.

– Я бы преочень хотела купить красное, бархатное платье, с кружевными вставками – к Новому году. Здесь правда такие не продаются. И может получится съездить в город. А если нет – придётся шить. Говорят, что если встретишь этот Новый год в красном цвете, то следующий год будет благоприятным. – Марине хотелось быть откровенной.

Филин меньше всего ценил в людях откровенность. Пара перьев выпала из его роскошного плаща и упала в воду рядом с лягушками.

– Почему именно я? Королева моя почему всё время я? – Впрочем Филин быстро успокоился.

Бабушка зашептала рецепт напитка на основе лапок гигантских вечерниц и крутанула колесо прялки.

– Кантонская кухня. Она так любит крутить это колесо, что мне становится грустно от мысли, а вдруг она однажды поймёт, что там ничего нет, кроме воздуха.

Лягушки заквакали и даже Филин не удержался от улыбки.

– Очнись, глупая, ты женщина, ты живёшь у ведьмы.

А значит она прядёт пряжу невидимую для обычного глаза. А вот почему она не сварила тебя себе на обед. Вот этого я не понимаю.

– Ну что ж. Теперь мне многое открылось. – Казалось Марина и не удивилась. Она жила изо дня в день, бок о бок, с бабулей и думала о ней как о женщине эксцентричной, с изюминкой, а теперь, когда выяснилось, что та обычная ведьма, Марина, сразу, не сопротивляясь, приняла это. Так же легко, без лишних вопросов, как принимала решение родителей, жестокость Аркадия, суровую погоду и то, что кормить лягушек будет она. – А насчет обеда... Ей это не выгодно: я выплачу весь долг за аренду, в день, когда белый ворон каркнет, три раза, подлетая к Дымчатому озеру. А там набегало столько, что считать, не пересчитаешь, неделю и один час. А ещё, когда моей бабушке холодно или грустно, я варю ей какао, распутываю колтуны в волосах, собираю травы какие бы не попросила и рассказываю сказки. Ой, вам то я позабыла предложить какао. – И Марина бросилась его готовить.

Тут Филин и увидел ладони Марины: сначала показалось, что это расплзающаяся клякса. Но если будешь всматриваться из-за всех сил – увидишь.

– Ты? – Филин схватил Марину за руку, пренебрегая церемониями.

– Да. Да. Да. – Заквакали лягушки.

Филин рассматривал, филин изучал: клякса под присталь-

НЫМ ВЗГЛЯДОМ ВЫСТРАИВАЛАСЬ В ЗНАКИ, ЗНАКОМЫЕ НЕ КАЖДОМУ КОЛДУНУ.

– Так ты и есть Марина?

– Да. Да. Да. – Заквакали лягушки.

Глава четвертая. На Дымчатом озере вскрикнула птица

И пока Марина готовила какао, Филин рассказывал про страну светлячков. Про то, что правит страной светлячков прекраснейшая королева Тейя VII, с серебряными глазами, и мягким, как пух облака, сердцем. Тут Филин запнулся. Про воздух, от сладости которого пьянеешь, про живые, своенравные леса и глубокие, ропотливые реки, про мирных светлячков, живущих в хрустальных, сверкающих домах.

Правда министру пришлось рассказать и про страшное:

– Зло приходит с запада.

И с запада же в страну светлячков приехал Принц. Принц смотрел печально, ещё печальнее были его речи:

– Моё королевство захвачено, моя семья погибла.

Чужеземец ничего не просил, а получил и приют, и опору, и поддержку. Приезжий – юноша невероятной красоты – холодный к местным девушкам, сводил тех с ума. Горделивые красавицы выучили шаг его походки и знали, когда Принц идёт по коридорам дворца. И только королева Тейя с серебряными глазами и мягким, как пух облака, сердцем, тут Филин кашлянул, не хотела прислушиваться ни к чьим шагам. Внезапно Принц переменялся и из скорбного отшельника превратился в галантного остроумца с завитыми кудря-

ми. А как изящно он танцевал, каждая модница готова была вторить за ним. Кроме королевы Тейи, которая никогда ни за кем не повторяла. Принц шутил и балагурил, и где бы он не появлялся, вместе с ним появлялся смех. Там не было слышно только смеха королевы. Вдруг Принц сбросил и этот образ как кожу. И, на самом деле, оказался простым и скромным, об удобствах говорил с пренебрежением, ценил свободу и... Ах! Каких только чудес Принц не видывал, какие тайны носил в памяти. И вот так он и поймал королеву светлячков: она, кроме своей крохотной страны и среднего, по меркам чужих королевств, дворца, ничего не знала. Незвестное, странное, далекое завораживало её.

И когда Принц начинал рассказывать о своих странствиях, она замирала, превращаясь в слух. О! Принц умел воспользоваться вниманием и расположением: рассказ он превращал в представление.

– Вот за теми горами лежит страна существ с зелеными лицами и длинными руками. – Показывал он куда-то неопределенно.

– Зачем же они так устроены? – Королева всматривалась в горизонт, пытаясь разглядеть зеленые лица.

Принц наклонился и зашептал в ухо королеве.

– Не может быть!

– Правда, правда.

Королева прикрыла глаза, чтобы под длинными ресницами скрыть желанья.

– Неужели вы никогда ничего подобного не видели? Неужели вы не встречали кого-то непохожего на себя? Неужели вы не извели этот огромный, неисчерпаемый мир? И целую жизнь прожили во дворце? – В голосе мелькнула нота сочувствия. И хотя принц постарался скрыть это, а всё же, королева заметила и слегка порозовела. – Зато он у вас есть. Прекрасный дворец! Да, и зачем вам нужны схватки с чудищами? Да, и на пиратов можно ненароком натолкнуться или, не дай вселенная, на дракона. На юге этих драконов... – И Принц ловко, «и так естественно», подобрал ноги, будто один из «этих драконов» слегка опалил их.

Маленькая фрейлина королевы Тейи VII засмеялась.

– А того хуже на великанов-светлоедов. Нет, нет, и нет! Четыре стены, комфорт и покой. Что может быть лучше? Посмотрите на меня: я потерял всё. И теперь здесь. Да, я потерял всё. И теперь здесь. – Правда почему-то казалось, что принц ни о чём не жалеет.

– Он так красиво излагает, что это довольно подозрительно. – Однажды процедил мысли вслух Филин.

Королева рассмеялась. А потом заговорила. Она обвиняла и оправдывала:

– Иногда, когда люди ранены, то потом никому уже не могут поверить, не могут поверить в то, что их любят, в то что готовы им отдать... да что угодно... отдать.

Путано, как-то путано говорила королева Тейя. Филин даже присмотрелся: может у неё жар?

– Как? Как можно доказать свою любовь?

– Любовь никому не стоит доказывать.

– Я подумал: первая влюбленность всегда с надрывом. Я подумал: девушка, рожденная в любви и счастье, предпочтет и первое, и второе.

Прошло несколько недель: разговор стал забываться. Прошло несколько недель: королева сияла вместо солнца. Прошло несколько недель: это случилось.

Филин вспоминал, а Марина собиралась: надела деревянные башмаки, на прощанье поцеловала каждую из лягушек, сварила какао изумительной тезке и поставила рядом с прялкой. Прикоснувшись взглядом к старческим рукам, девушка решила проверить слова Филина: и правда почувствовала тончайшие нити.

– Пригодится. Пригодится. Пригодится. – Проквакали лягушки.

«Пригодится» мысленно согласилась Марина, и сплела из ведьминой пряжи браслет, и закольцевала им руку. И Марина увидела дом таким какой он был последнее тысячелетие: мох на стенах, кресла отдаленно напоминающие пни, разъедающая полки сырость и болото. Лягушки сидели заколдованными девушками, ожидая назначенного срока, они заулыбались и замахали Марине.

– Так вот почему я всегда здесь дрогну.

Марина не знала королеву светлячков, однако мысль, что она снилась хоть кому-то на этой земле и этот кто-то нуж-

дается в её помощи свербила в сердце. Не вернуться домой было не страшно, потому что у неё не было дома. Правда, взглянув на старую ведьму, девушка поняла, что будет скучать. А та вспомнит о Марине завтра?

Филин вырвал два переливающихся сиренью пера, из лежавшей на плечах мантии, и протянул их девушке. Марина вертелась, прикладывая перья к плечам и рукам, а Филин выжидал, не в его характере помогать без просьбы. И только, когда девушка, робея, вернула перья обратно, он указал ей на надписи на ладонях. Марина провела перьями по магическим знакам, этого было достаточно, человеческое тело покрылось оперением.

Марина ухнула и вылетела в окно вслед за Филином. Позади раздалось прощальное кваканье лягушек, Марина не расслышала чего в нём больше: предостережения или восхищения.

Да и было ли ей до этого?

Тяжёлые крылья тянули вниз, к земле. Не так-то просто оказалось управлять новым телом: Марина пару раз чуть не расшиблась, оцарапалась о ветки калины, растущей напротив окна, а маневрируя между домами, снесла у соседей веревку для сушки белья.

Филин ни на что не обратил внимания.

И вскоре стало спокойней лететь, в крыльях возникла сила, взмах, ещё взмах, и сдружившись с ветром Марина выровнялась, и легко поднялась выше.

Они пролетели мимо магазина, в котором четыре года работала Марина, пролетели мимо дома Аркадия, пузатого, как и сам хозяин, пролетели мимо лавочки влюбленных, где кто-то, не такой влюбленный, ножиком вырезал похабные стихи. На Дымчатом озере вскрикнула птица, в чьём-то дворе взвыла собака. Вот и всё: была Марина здесь и больше её здесь не будет.

Глава пятая. Падения

Прошло восемьдесят часов, двадцать две минуты и сорок пять секунд, с того дня, когда у королевы Тейи VII выкрали сердце, и как же за это время изменилось королевство. Рассказанное Филином, о радостной, переливающейся цветами стране, осталось в его рассказах: розовые озера и сиреневые облака поблекли, щедрые деревья втоптаны в щепки и... искореженные домики... Когда-то славные, хрустальные домики светлячков глазели пустотами и прорехами.

Приземлившись, Марина, не сразу пришла в себя: ноги – ватные, во рту пересохло, крылья рассыпались на перья, она потеряла силы от пережитого ею перелета. Когда же она очнулась, министра не было рядом, а в небе, над ней, пронесся огненный шар и врезался в один из домов, хрусталь дал трещину и посыпался прозрачными, невесомыми осколками. За этим шаром последовал следующий и следующий, и следующий. Марина разглядела в них светлячков: бездумные, лишённые разума, они калечили себя и разрушали собственные жилища. А после, погасшие, тлели на земле.

Она бросилась на помощь к израненным светлячкам, но они не хотели помощи и отталкивали Марину, а кое-кто, и вовсе, из остатков сил, изрыгал проклятья. Эти были темнее прочих.

– Убирайся.

– Не трожь.

Светлячки были единогодушны.

Ах, как жаль их! И она долго не оставляла попыток и получила положенную горсть тумачков, затрещин и пинков.

А за изломанными деревьями, за истерзаннми домами, среди блеклых облаков стоял прекрасный дворец королевы Тейи VII. Величественный, прозрачный, освещенный фонарями и лампами, он по прежнему переливался и сиял, возвышаясь над печальной разрухой.

– Искусственный свет странен для светлячков. – Догадалась Марина, и прихрамывая, кости гудели по прежнему, двинулась ко дворцу.

А во дворце жизнь продолжалась. Видимо здесь и не знали о случившемся, а если знали, то не придавали того значения, что придавали случившемуся вне стен дворца, а если и придавали, то молчали об этом.

Дворец шумел, гудел, носился туда и сюда, было ясно, что кто-то к чему-то готовится.

– Столпотворение!

– Форменное безумие!

В центре залы аисты разучивали танцевальные па, подпрыгивая на тонких, длинных ногах.

– Изящнее. Изящнее. – Требовал хореограф, птица секретарь, тут же демонстрируя как надо, красиво приподнимая, и вытягивая, свою ножку в бежевом чулке.

Неподалеку от танцоров, вертелись ёжики, они натирали,

малюсенькими, нежнейшими платочками, полы. Хм, на одном из платочков можно было заметить знакомую вышивку. Каждый раз, ёжики фыркали, когда посыльный, официант, очередная возомнившая о себе ведьма, да вообще кто угодно, пробежал мимо, оставляя следы на блестящей поверхности, и всё же, не опускали, ни лапок, ни платочков, и продолжали неблагодарное дело.

А вот летучие лисицы, наоборот, гордо несли себя над столами! Приспешники ведьм украшали стены могильными цветами. Чёрные гвоздики, фиолетовые тюльпаны, мерцающие ирисы: немного увядшие, с очерстевшими стеблями и засохшими лепестками. «Это даже шарман» – считала старшая ведьма Матильда, летучие лисицы в этом с ней были солидарны.

Матильда, любившая отчетность и уравновешенность, тем временем надзирала, чтобы каждый был занят, а особенно маленькая ведьмочка Ку.

«Глупая чертовка Ку, несносная разиня Ку, недотепа и растяпа Ку опять развела какой-то хаос».

А Ку бегала во всём этом хаосе, создавала весь этот хаос, и наслаждаясь всем этим хаосом. Её огромные заостренные уши позволяли слышать возникающее недовольство, длинный язык – заболтать всякого, а взгляд жёлтых глаз – лишить воли к сопротивлению. Маленькая росточком, худенькая до невидимости, она могла проникнуть в любой угол и заметить, где и что надо подправить. А властный, хрип-

лый голос и верткий характер помогал ей раздавать указание от лица старшей ведьмы. Перебегая из зала в залу, она не забывала и о кухне, где шипело, шкварчало, булькало. Для Ку этот банкет значил многое, старшая ведьма, у которой она была в подчинении, заявила, что это последний шанс перейти из ведьмы нулевого ранга в первый, поэтому ведьмочка изо всех сил сдерживала порыв откусить от внушительного, румяного и дерзко пахнущего пирога, начиненного, как Ку надеялась, поганками. И вот, сейчас, лавируя между котлами, Ку чуть не опрокинула чан с наваристым супом из навозных жуков. А ведь это было одно из важных блюд ужина. Шеф-повар, господин Вермишелька, без лишних слов, поднял малышку Ку вверх тормашками и запустил снарядам в окно.

Вот так ведьма нулевого ранга и приземлилась на голову старшей ведьмы, отчитывавшей в саду цветы, они никак не могли выучить имя прекрасного, восхитительного, неподражаемого, остроумного Принца. Цветы, словно в насмешку, помнили, что было сотни лун до, а слова сказанные минуту назад, выветривались из их бутонов. Секрет забывчивости мог бы раскрыть ветер, не будь он обруган Матильдой прежде, а так в отместку он лишь помог Ку упасть столь «удачно».

В тот самый момент, когда Ку поднималась со старшей ведьмы, Марина и подошла ко дворцу.

Глава шестая.

Насторожившись, начеку

– Тшш у меня. – Маленькая ведьма грозила цветам кулаком. Напрасно! Те уже и не помнили в чём было дело.

И пока старшая ведьма лежала в беспамятстве, Ку и Марина осматривали друг друга.

– Ты ведьма какого ранга? – В мире Ку все были ведьмами и все обладали рангами.

Марина не успела ответить: ведьмочка Ку была из тех, кто задавал вопросы не для того, чтобы услышать ответы.

– Ох, и получит от меня этот скверный господин Вермишелька, репей в мягкое место! Так его наперекосяк! – И схватив Марину под руку, она потащила её на кухню.

Марина почувствовала вес слов ведьмы нулевого ранга, поэтому не сопротивлялась. На самом же деле, Ку двигала жажда перейти в другой ранг и страх перед господином Вермишелькой, в чём она не хотела себе признаваться. Увы, шеф-повар был раза в четыре выше её, что уж говорить о его ширине и навыке владения острыми ножами, и именно для усиления своего слова она прихватила с собой незнакомку.

И тут им снова повезло: на кухне доготовились блюда и господин Вермишелька успел прийти в облачное состояние духа и даже почувствовать вину за «маленький при-

ступ ярости», поэтому он налил «сладким личиночкам», так он выразился, от чего щёчки Ку приобрели цвет фламинго, по огромной порции супа-мороженого и посыпал угощение гусеницами для ведьмочки и летними лучиками для Марины. Себе господин Вермишелька заварил чай, пахнущий путешествиями.

– Этот запах напоминает мне мою молодость, когда я был выше и толще и в моей душе жила вера в то, что за поворотом меня ждёт испытания из которых я выйду молодцом. Ах, милейшие крыски, вы ещё невинны и вам не понять, как для мужчины моего роста и толщины важны эти испытания.

– Так что же случилось за поворотом? – Ку раскусила последнюю гусеницу и облизала губы.

Вечер сулил радостные перспективы: Ку больше не страшилась господина Вермишельку и сверх того рассчитывала на него в вопросах провианта. Бывало, она портила, собранные старшей ведьмой Матильдой, редкие травы и сложно добываемые ингредиенты, передерживала на огне или путала рецептуру. И тогда ей приходилось часами рыскать в поисках замены. А на кухне дворца водились самые изысканные, разнообразные и чудные продукты. Ку уже заметила кое-что, надеясь, господин Вермишелька не сможет отказать новому другу. «Какое удачное знакомство».

– А за поворотом я натолкнулся на министра Филина и он уговорил меня пойти в повара на кухню, на полгода. И эти полгода длятся уже как двадцать лет.

– Опять этот Филин. – Хмыкнула Ку. Она не любила того за чванство и высокомерие. Сегодня утром министр кинул в неё платочком, когда она нечаянно на него налетела.

– Филин? Филин, где Филин? – От хриплых смешков Ку и густого голоса господина Вермишельки, Марина почувствовала себя в безопасности, и к своему стыду, совсем забыла о целях, которые привели её в королевство светлячков.

«Вот оно как чужое забывается». – Марина отодвинула лаконство, лучик мигнул и растаял в креманке.

– Что так взъерошилась ведьма Марина? – Господин Вермишелька готов был тут же вскочить с места, только вот ведьмочка Ку возложила к нему на колени свои милые, крепкие ножки и, было неприлично их сбрасывать.

– Где у вас хранят сердца?

– Сердца? Какое сердце вам нужно? Есть сердце двухвостого питона, огнедышащего зайца, диско рыбы.

Ведьмочка захлопала в ладоши.

– А где Принц? Я хочу познакомиться с Принцем? Как мне его увидеть?

– Для начала тебе бы определиться кто нужен? Филин, принц, сердце? Чьё сердце: одного из них или обоих?

Резонные рассуждения Ку потонули в грохоте, который раздался будто с четырёх сторон света.

Глава седьмая. яамьдес авалГ

Появились гости. О! Любой бы опешил от важности прибывших персон: фиалковый дракон, втиснувшись он зажег пару предметов, демонстрируя весёлый настрой и расположение шутить. Старшая ведьма Матильда, в сопровождении свиты из перворанговых ведьмочек, Ку нервно оглядела удачливых соперниц. Кикимора с Кикимором, у них закончился медовый месяц и они смотреть не могли друг на друга. И конечно же Лесной царь с семьёю: прекрасными, хрупкими дочерьми и их неотесанными мужьями-троллями.

Ах! Как чудесно они разодеты, как со вкусом подобраны наряды. Матильда в чёрном, шифоновом, длинном, до пола платье, облегающем её дородную фигуру, у ведьмочек платья из золотой, серебряной и изумрудной парчи, волосы собраны, сами бледны как утопленницы, всплывшие в полдень, а на руке браслет-каракурт. Лесной царь в жакете сшитом из листьев и ботиночках из коры дронтового дерева, а дочери в платьях из утренней росы.

Гости накинулись на кушанья, приготовленные господином Вермишелькой, а уж он постарался для каждого, ведьмы получили зловонное варево из нескольких видов жуков. Фиалковый дракон уплетал пирожное из радуги, Кикимора и Кикимор вкушали комаров в кляре и ядовитых жаб, замаринованных в болотной жиже. И только тролли не имели

предпочтений и сметали без разбору любое кушанье, пока не набили брюхо.

Аисты ублажали взор вычурным танцем, выстраиваясь в геометрические фигуры и замирая: они завораживали и пробуждали, у наблюдающих, желание танцевать.

И гости не выдержали, вскочили с мест и задвигались, сначала размеренно, подражая тонконогим танцорам, а потом уже заплясали, как подсказывал им их характер и темперамент.

Господин Вермишелька, отвлекшись от кухонных дел, схватил Марину в охапку и понесся в пляс. Марине казалось, что её тело стало невесомым, так девушку мотало из стороны в сторону, зал кружился перед глазами: мелькнула голубая лента, огромный глаз дракона и башмак Лесного царя. Музыка, грохот упавших тарелок покрывал чей-то смех, похожий на её. Разве это может быть она? Разве она давно не разучилась смеяться? Марине было так радостно, так легко, и она позабыла зачем она здесь в этом королевстве, в этом дворце, на этом празднике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.